

КОНСЕРВАТИВНО-МОНАРХИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ НА БЕЛАРУСИ В 1907 – 1917 гг.

После поражения первой русской революции в России воцарился реакционный режим, опиравшийся на новый избирательный закон в представительные органы страны, по которому значительные преимущества получили консервативно-монархические партии. Крайне правые, черносотенные организации, сыгравшие роль погромщиков революционного движения и спасителей абсолютизма, под давлением новых внутривластных факторов были вынуждены уйти в тень, уступив свое место правым партиям центра.

В первые послереволюционные годы главной опорой правительства П.А.Столыпина был "Союз 17 октября". Основная его деятельность сосредоточивалась в Государственной думе, где он имел самую большую фракцию. В то же время после революции численность октябристов падает. Этому способствовала чисто парламентская тактика партий. Население же, уставшее от бурных событий 1905 – 1907 гг., теперь, когда положение самодержавия окрепло, не проявляло политической активности. Уменьшению численности "Союза 17 октября" способствовал запрет Столыпина занимать государственным служащим, по крайней мере, руководящие посты в местных организациях и участвовать в оппозиционных правительству партиях. Это привело к падению влияния консервативных организаций в обществе. Наблюдается выход из рядов партии помещиков, чиновников, крестьян. Часть из них была недовольна и тем, что, несмотря на доминирование октябристов в Государственной думе, они не добились от царизма реального выполнения свобод, данных Манифестом 17 октября 1905 г.

Многие из местных октябристов посчитали свою работу оконченной после роспуска II Государственной думы. Исполняющий должность могилевского губернатора в марте 1908 г. на запрос Департамента полиции о количестве и численности имеющихся в губернии монархических партий отвечал, что "... действующих монархических организаций в Могилевской губернии не имеется, и лишь до роспуска II Государственной думы существовал в Могилеве отдел Союза 17 октября, к коему примыкали землевладельцы губернии, но после роспуска названной Думы отдел этот прекратил свое существование и ныне все население губернии можно разделить на так называемых монархистов и левых разных оттенков, представляющих собой значительное меньшинство" [1, с. 113].

Отрицательные ответы на запрос Департамента полиции пришли также из Минской и Гродненской губерний. И.д. гродненского губернатора сообщал в декабре 1907 г.: "... в настоящее время правильно организованных политических партий (исключая явно революционные) в Гродненской губернии не замечается. Среди же отдельных лиц обнаруживается принадлежность, по своим убеждениям, к различным партиям, как-то: монархической, правового порядка, союза 17 октября, мирного обновления, конституционно-демократической" [1, с. 104]. И.д. витебского губернатора отметил наличие отделов в Витебске, Лепеле, Двинске и Режице (два последних на территории Латвии) [1, с. 112].

Сведения, полученные Департаментом полиции, были явно не точными, т.к. в октябре 1909 г. в III Всероссийском съезде "Союза 17 октября" кроме представителей от упомянутых отделов, приняли участие делегаты от Могилева, Минска и Вильно. Правда, на съезд могли прибыть посланцы и от примыкающих к партии организаций, как, например, Л.М. Солоневич, представлявший "Белорусское общество" (см. ниже. – Б.К. и Л.Д.) [2, с. 74-77].

К этому времени ухудшились отношения между фракцией октябристов в Государственной думе и правительством, которое постепенно переориентировалось на образовавшийся в 1909 г. Всероссийский национальный союз (ВНС). Фракция "Союза 17 октября" начала резко критиковать министров за неправомерность их действий, злоупотребления и нарушения Основных законов. В марте 1911 г. по просьбе П.А. Столыпина царь на время распустил Думу, и председатель Совета министров, используя ст. 87, провел закон о введении выборного земства в некоторых губерниях Северо-Западного и Юго-Западного краев, в том числе в Витебской, Могилевской и Минской. В ответ на роспуск парламента лидер октябристов А.И. Гучков сложил с себя полномочия председателя Государственной думы. Гибель Столыпина в сентябре того же года ускорила распад "Союза 17 октября". В 1913 г. из единой думской фракции выделились группы беспартийных, земцев-октябристов и левых октябристов. Примерно в это же время исчезают последние сведения об организациях октябристов в Белоруссии.

После революции довольно многочисленной партией был Русский окраинный союз (РОС). Минский губернатор в декабре 1907 г. сообщал в Департамент полиции, что в его губернии в рядах Окраинного союза насчитывается 12 716 членов, причем 1443 из них в г. Минске, к тому же имеется тенденция к росту [1, с. 103-104]. Однако в последующие годы РОС претерпел эволюцию, аналогичную "Союзу 17 октября". В 1907 г. путем реорганизации из него возникло Русское окраинное общество (РОО). Его отделы были открыты в Вильно и Петербурге. Фактически новое общество продолжало традиции своего предшественника.

РОО возглавляли помещики, представители местной и столичной интеллигенции: Бывалькевич, Ковалюк, Кулаковский, Филевич и др. Особый интерес представляет биография и политические взгляды Платона Андреевича Кулаковского (1848 – 1913 г.) – неординарной личности, бывшего главного идеолога общества. Он являлся издателем печатного органа РОО – журнала “Окраины России” и одновременно главным редактором “Правительственного вестника”. Кулаковский входил в руководящее ядро сразу нескольких политических и общественных организаций: с 1908 г. был товарищем (заместителем) председателя Санкт-Петербургского благотворительного общества, в июне 1911 г. в Белграде избран товарищем председателя “Союза славянских журналистов”, в феврале 1912 г. – членом Главного Совета ВНС. Он долгое время преподавал в ряде высших учебных заведений и написал более 120 научных работ. На его взгляды сильное влияние оказали славянофилы, особенно И.С. Аксаков. Кулаковский дружил с Ф.Д. Самариним. В целом позицию этого общественно-государственного деятеля можно назвать панславистской. Он отстаивал идею “слияния государственных и культурных сил всего Славянства”, но при этом, по его мнению, не должны были утрачиваться “самобытность и национальность каждого народа”. Несомненной для Кулаковского была главенствующая роль России в этом процессе [3, с. 290].

Белорусский народ Платон Андреевич считал составной частью русского, выступал против преподавания на белорусском языке в школах Северо-Западного края, создания на нем литературных произведений. Издатель “Окраин России” писал: “Первым признаком любого сепаратизма является требование признания особых прав в школе и в литературе для местного языка. В последнее время заговорили об особом белорусском языке. Выражение “белорусский язык” начало употребляться даже в некоторых официальных актах по министерству народного просвещения. Но мы смеем утверждать, что этот “белорусский язык” существует только теоретически. Достаточно взглянуть в капитальный труд нашего авторитетного ученого Е.Карского, чтобы стало ясным, что существует только белорусский диалект (наречие), а не белорусский язык” [4, с. 315].

В 1909 – 1912 гг. в Белоруссии возникли организации Всероссийского национального союза. Эта партия была образована сторонниками фракций националистов и умеренно-правых, которые через год работы III Государственной думы вышли из единого правого блока и, в отличие от крайне правых, признали законным Манифест 17 октября и вызванные им изменения в государственном устройстве страны. Инициаторами создания ВНС и его руководителями стали выходцы из южных и западных губерний Российской империи. В III Государственной думе 7 депутатов от Северо-Западного края перешли из фракции правых в русскую национальную фракцию. Уроженцами Белоруссии были и некоторые лидеры ВНС: членом Главного Совета партии и его секретарем с 1909 г. был депутат нижней палаты парламента, климовичский уездный предводитель дворянства Н.К. фон Гюббенет; членом Главного Совета, а с февраля 1910 г. заместителем его секретаря был депутат Думы от Могилевской губернии Н.Н.Ладомирский.

Всероссийский национальный союз не был многочисленным, т.к. главным полем его деятельности служил парламент. В 1912 г. количество членов ВНС колебалось в пределах 3 тыс. человек по всей империи [5, с. 366]. Большинство националистов Северо-Западного края в прошлом были правыми и октябристами. Поэтому социальная база новой партии оказалась той же, что и у более ранних русских монархических организаций. Отделы ВНС были образованы в Гродно, Минске, Могилеве, Бобруйске, Борисове, Мозыре и других населенных

пунктах. Количество членов Союза в Северо-Западном крае точно неизвестно. У авторов имеются сведения о Минском отделе, который являлся одним из самых сильных. Он был открыт 12 апреля 1911 г. Характерно, что в то же время лидер местных октябристов И.Д.Чигирев распустил отдел своей партии и перешел к националистам. В дальнейшем группа бывших членов "Союза 17 октября" представляла левое течение в минской организации ВНС. Отдел к концу 1911 г. состоял из 193 человек, 30 из них были священниками [6, с. 5]. Возглавлял его Совет из 14 членов, который, по Уставу, должен был ежегодно переизбираться. Первым председателем Совета стал Д.Скрынченко. В кассе отдела в то время насчитывалось 523 рубля 80 копеек [6, с. 5]. Минские националисты поддерживали тесные связи с Санкт-Петербургским Национальным клубом через обмен делегациями. В марте 1912 г., например, в Минск приезжал читать лекции лидер ВНС граф В.А.Бобринский.

На поддержку националистов в Минске ориентировалось и образовавшееся в 1908 г. Русское общественное собрание. Председателем его был избран генерал-лейтенант в отставке Н.А.Кованько. В организацию принимали представителей зажиточных слоев русского православного населения города. Формально общественное собрание не являлось политической организацией. Оно, как было записано в Уставе, создавалось "исключительно для доставления членам своим разумных развлечений и отнюдь не для занятий политикой". [7, с. 5]. Действительно, основные средства в казну клуба поступали от лото. С другой стороны, § 57 Устава предписывал в случае ликвидации дел собрания все средства передать в распоряжение Минского отдела ВНС [8, с. 3]. Пикантность ситуации заключалась в том, что в Совет организации входили руководители националистов, и у них была возможность в любой момент преднамеренно нарушить Устав и дезорганизовать деятельность собрания. При этом, по §26, все высшие должностные лица общества, в том числе и казначей избирались не собранием всех его членов, а Советом. Таким образом, Русское Общественное Собрание находилось в полной зависимости от политической партии – ВНС. Неудивительно, что клуб предоставлял свое помещение для заседания минских националистов и, имея в кассе 24 тыс. рублей, оказывал им финансовую помощь [9, с. 5]. В частности, на рекламу лекций Бобринского общественное собрание ассигновало Скрынченко 500 рублей (т.е. фактически столько же, сколько было в кассе самого отдела. – Б.К. и Л.Д.) [8, с. 3].

По программным принципам ВНС занимал промежуточное положение между черносотенцами и "Союзом 17 октября". Националисты главной политической целью ставили "упрочение русской государственности на началах самодержавной власти царя в единении с законодательным народным представительством", развитие местного самоуправления. Они выступали за "господство русской народности" в империи, "укрепление сознания русского народного единства" на окраинах, "устройство русской бытовой взаимопомощи и развитие русской культуры" [10, с. 220]. Первым пунктом программы ВНС значилось: "... единство и нераздельность Российской империи" [5, с. 367]. Националисты были одними из разработчиков и главных приверженцев теории западно- и южноруссизма, т.е. они отрицали существование белорусской и украинской народности, считая их лишь этнографическими разновидностями единой великорусской нации. Идеолог национализма В.В.Шульгин писал: "Русским народом я считаю великороссов, малороссиян и белорусов, а также и всех тех иных кровей, российских граждан, которые подверглись процессу ассимиляции и считают себя русскими". Он полагал, что "процесс консолидации русского национального самоутвер-

ждения идет", т.е. постепенно все вышеперечисленные народы сольются в один, чисто русский народ [11, с. 46]. На это, а также на борьбу с политическими и общественными организациями национальных меньшинств, и направил все усилия ВНС. В статье "Белорусский "национализм", опубликованной в газете "Минское Русское Слово", автор под многозначным псевдонимом "Катон" утверждал, что "белоруссизм" – явление новое, искусственное, возникло в 1906 г. в Вильно ("Наша Ніва". – Б.К. и Л.Д.) и "в государственном смысле пока не опасное, так как никаким успехом среди белорусского крестьянства оно не пользуется" [12, с. 3]. Далее разъяснялось, что белорусы – это "... **среднерусское племя** (или группа племен) – в Могилевской, Минской, северной части Гродненской, западной части Смоленской и некоторых частях Витебской, Виленской и Черниговской губерний" [12, с. 3].

Националисты были политическими антисемитами. В их программе **большими буквами** было написано: "Равноправие евреев недопустимо" [5, с. 368]. В.В. Шульгин утверждал: "Неизбежной принадлежностью... правости и русского национализма, было отрицательное к евреям отношение" [11, с. 31]. В аграрном вопросе ВНС не шел дальше поддержки мероприятий Столыпина, но, в отличие, от документов других консервативных партий, в его программе не содержалось допущения увеличения крестьянского землевладения за счет помещичьих земель даже в самом крайнем случае.

В январе 1911 г. в Санкт-Петербурге было создано националистическое "Западно-Русское общество". Председателем его Совета был один из лидеров фракции националистов в III и IV Государственных думах Д.Н. Чихачев. Данная организация в отличие от ВНС носила элитарный, кружковый характер. В нее входили представители высшей православной церковной иерархии и интеллигенции, крупные землевладельцы окраин. На конец 1911 г. "Западно-Русское общество" насчитывало около 300 членов, затем их число возросло до 1 тысячи [10, с. 225].

Целью общества была защита культурных и хозяйственных интересов "русского народа" на Украине и в Белоруссии. Для этого организовывалось чтение лекций, издание научной и этнографической литературы, устраивались путешествия по западным губерниям страны, изучалась история края. Также готовился проект западнорусского университета, шли дискуссии о том, следует ли его открыть в Белоруссии или в Малороссии. Назывались соответственно следующие города – Вильно или Минск, Острог или Кременец [13, с. 2]. Д.Н. Чихачев был сторонником постепенного введения всеобщего образования и повышения материального содержания сельских учителей. В то же время, он защищал церковно-приходскую систему при организации низших учебных заведений, требовал сохранения единства "религии и школы", профессионализации и милитаризации школьного образования, усиления контроля за ним со стороны государственной власти, недопущение к преподавательской деятельности "неблагонадежных" лиц. Чихачев настаивал на располочивании западнорусского костела, предлагая перейти к ведению в нем богослужения на русском языке [3, с. 685].

В национальном вопросе "Западно-Русское общество" боролось с любыми выступлениями, в основе которых лежало признание существования особой белорусской народности и языка. В этом деле оно солидаризировалось с Санкт-Петербургским славянским благотворительным обществом. Например, эти организации высказались против использования белорусского языка на "Первом Всеславянском съезде общественного оздоровления", намечавшемся в 1912 г. в столице России. Петербургское славянское благотворительное

общество заявило, что научно доказано существование только 8 славянских языков, а “допущение на съезде докладов на белорусском, или “западнорусском” диалекте является не допустимым с чисто политической точки зрения” [4, с. 321]. Консерваторы связывали признание белорусского “наречия” в качестве самостоятельного славянского языка с нарушением единства Российской империи.

В аграрной сфере “Западно-Русское общество” добивалось разрешения сервитутного вопроса и введения ограничения на немецкую колонизацию в Западном крае. В области местного самоуправления оно считало необходимым распространить выборное земство на Гродненскую и другие западные губернии [13, с. 2].

Несколько в стороне от других русских монархических организаций в Северо-Западном крае стояло “Белорусское общество”. Оно возникло в результате раскола партии “Крестьянин” на съезде 27 – 30 декабря 1908 г. в Вильно. Наиболее левая часть делегатов тогда решила образовать отдельную организацию, политическое лицо которой определило сочетание идей консервативного монархизма и либерализма. У либералов “Белорусское общество” позаимствовало следующие требования: в области финансовой – прогрессивно-подходящего налога; в области экономической – поднятия аграрного сектора, его интенсификации и земельного кредита; в области местного самоуправления – введения выборного земства; в области прав человека – ликвидации имущественного ценза при выборах, всеобщего избирательного права [10, с. 221].

Консервативность наиболее четко проявлялась в подходе при решении национального вопроса. Общество считало белорусский народ неотъемлемой частью великорусского, без единения с которым в рамках Российского государства его ждет полное историческое забвение, утрата всякой самоидентификации. В чем же, по мнению его идеологов, выражалась эта последняя? В том, что признавалось наличие у белорусов некоторых, отдельных от великорусских интересов. Они обуславливались географическим положением, своеобразием этнографического состава населения, особенностями социальных и религиозных отношений в Северо-Западном крае [4, с. 331]. В соответствии с данной теорией, белорусский народ в национальном плане фактически ставился в один ряд, например, с казаками. Все различия между русскими и белорусами были различиями внутри одной нации. Поэтому руководители “Белорусского общества” для выражения своих воззрений прибегали к уже устоявшимся понятиям: постулировали наличие трех племен – белорусского, русского и украинского, – которые должны были войти в единый союз на основе “гражданской свободы”.

Программа организации признавала существование особого белорусского языка, но считала его из-за архаичности не пригодным для использования в государственной и культурной жизни. Согласно данному документу, место белорусского языка в этих сферах по праву должен будет занять русский язык как более соответствующий объективным условиям развития страны в начале XX в. В соответствии со своими идеями “Белорусское общество” требовало предоставления Белоруссии административно-хозяйственной автономии, а не национальной [10, с. 221]. В § 2 его программы было записано: “Так как белорусская интеллигенция как православная, так и католическая, до сего времени получала образование исключительно на русском языке, который (язык) является для всех наиболее общим, и так как белорусский язык из-за исторических условий был задержан в нормальном своем развитии на несколько столетий и поэтому слабо подготовлен к восприятию богатых плодов современной обще-

человеческой цивилизации, "Общество" считает, что наиболее соответствующим для культуры развития белорусской народности может быть только язык российский..." [4, с. 331]*.

Однако в целях краеведения "Белорусское общество" поддерживало собираніе фольклорных произведений и попытки создания литературы для народа на белорусском языке. Известный исследователь общественной мысли на территории Беларуси в XIX – начале XX вв. А.Цвикевич отмечал: "Насколько можно понять, авторы программы "Общества" не выступали против попыток местных людей создавать на белорусском языке "народную литературу". Ни у "Крестьянина", ни у "Окраин России" мы подобного "допущения" не встречали" [4, с. 331]. Но реальной подоплекой целей данной организации в национальном вопросе была все та же теория "западноруссизма", теория полной ассимиляции белорусской нации русской, хотя подавалась она в замаскированном, смягченном виде.

Опорой русских монархических политических партий в Белоруссии были православные братства: Софийское – в Гродно, Свято-Николаевское, Животворящего Креста Господнего, Привокзальной железнодорожной церкви – в Минске, Кирилло-Мефодиевское общество в Витебске и др. Они объединяли значительное число городского населения по вероисповедальному признаку. Например, Православное Софийское братство в Гродно насчитывало ок.400 членов, Народное братство Животворящего Креста Господня в Минске – ок.200 [14, с. 110; 15, с. 4]. Братства старались закрыть глаза своим членам на их различное социальное и имущественное положение, хотели ликвидировать противоречия в их среде, направив всю энергию в религиозную сферу. Характерно то, как ими определялось значение слова "народ". Оно понималось строго в церковном смысле как органическая совокупность всех верующих. Работа братств должна была, по замыслу их руководителей, сплотить православное население края, вывести его из-под влияния революционных партий, организаций других конфессий. Общества преследовали одну цель: объединить все сельские приходы, защитить православную веру от иноверцев. Большую роль в монархическом и братском движении играли представители высшего духовенства: епископ Минский и Туровский, например, считался по уставам всех минских городских братств их почетным председателем, одновременно он был почетным членом всех правых партий; Софийское братство в Гродно возглавлял епископ Гродненский и Брестский.

Главным занятием братств было просвещение и благотворительность, но некоторые выходили за эти рамки, включаясь в экономическую и политическую деятельность. Одним из них было братство Животворящего Креста Господня в Минске. Кроме губернского центра его отделы действовали при церквях Игуменского, Мозырского и Минского уездов. Общество имело свой постоянный печатный орган – газету "Братский листок" [16, с. 3].

Однако реальная работа братств по выполнению поставленных задач была крайне незначительной. Так, на совместном собрании в декабре 1912 г. в Минске члены Свято-Николаевского братства и братства Животворящего Креста Господня признали свои организации "малодеятельными" [17, с. 3]. В поисках путей повышения деловой активности братства объединились в единое Минское православное Свято-Николаевское народное братство. Данное событие было отражением общей тенденции к консолидации минских правых в это время.

Русские монархисты в Белоруссии приняли участие в выборах IV Государственной думы. Стремление провести своих кандидатов способствовало сплочению

* Текст дан в обратном переводе с белорусского языка.

консервативных сил Северо-Западного края. Однако из-за своей слабости они вынуждены были искать себе политических союзников. В конечном итоге большинство националистов и примыкавших к ним организаций предпочли заключить союз с черносотенцами. Правительство и местная администрация помогли правым.

Вот как проходила избирательная кампания на примере уже хорошо знакомой нам Минской губернии. В марте 1912 г. в Минске прошел съезд губернских монархических организаций. На нем был создан Русский предвыборный комитет и утвержден его руководитель – епископ Слуцкий Иоанн. 23 июня его полномочия были подтверждены Св. Синодом, который официально утвердил его в качестве председателя минского губернского предвыборного комитета. Теперь епископ мог контролировать избирательную кампанию всех правых и консервативных партий, а также обществ на территории Минской губернии. Русский комитет призвал все монархические группы сплотиться вокруг черносотенного лозунга “Православие, самодержавие, русская народность и неделимая Русь”. К нему примкнули губернский отдел Союза русского народа, железнодорожный отдел Русского народного союза имени Михаила Архангела, Борисовский отдел Всероссийского национального союза, братства и уездные русские дворянские организации. Кроме епископа Иоанна в руководящее ядро объединения вошли начальник губернии Я.Е. Эрдели и председатель губернской земской управы Б.Н. Самойленко (националист) [18, с. 2].

На собраниях комитета была определена тактика в предстоящих выборах. Решено было ни в коем случае не блокироваться с инородцами и либералами. Даже по отношению к октябристам было признано, что союз с ними невозможен: к совместному голосованию могли быть допущены только отдельные члены “Союза 17 октября” [19, с. 3]. Русский предвыборный комитет поддерживала газета “Минское Русское Слово”. В сентябре 1912 г. было налажено издание предвыборного листка под названием “Долой маски”, целью которого была консолидация всех правых избирателей.

Минский отдел ВНС, среди членов которого было много бывших октябристов, не вошел в избирательный комитет самостоятельно. Однако, уже в конце лета 1912 г. группа бывших октябристов во главе с И.Д. Чигиревым образовала свой собственный предвыборный комитет. Обе соперничавшие группировки националистов обратились за финансовой помощью к Русскому общественному собранию, но не получили ее, т.к. последнее поддержало объединенный комитет правых и консервативных монархистов. Власти преследовали “независимых” националистов. Например, 8 сентября полицмейстер Д.А. Соколов распустил собрание их группы под председательством Чигирева [20, с. 2]. Тогда левые националисты заключили договор с либералами, которых возглавлял адвокат И.И. Метлин. Стороны обязались поддерживать на выборах кандидатов друг друга. Образовался Прогрессивно-национальный блок [21, с. 3]. Он стал главным конкурентом Русского предвыборного комитета в работе среди православных избирателей. Для дискредитации выдвинутого блоком кандидатом в депутаты Метлина правые раздули в местной печати т.н. “дело Матусевича”*. Их пропагандистская кампания достигла своих целей, т.к. все 9 победивших на выборах 25 октября 1912 г. кандидатов были ставленниками правых и ВНС.

* Минчанин Матусевич в 1911 г., угрожая браунингом, отнял у матери вексель на 10 тыс. рублей и явился с ним к Метлину с предложением предъявить вексель к взысканию. Адвокат отказался выполнить услугу, т.к. Матусевич не имел наличных денег для оплаты его труда, однако взял вексель на хранение. Через несколько дней к Метлину за ним пришли мать клиента и чиновник, защищавший ее интересы. Лидер минских либералов объяснил свои действия тем, что не знал о краже векселя. Он возвратил его Матусевичу и отказался от дела (подробнее см.: Минское Русское Слово. № 72. 17.09.1912. С.3.).

Подобная же ситуация наблюдалась и в Могилевской губернии, где всем заправляли националисты. Н.Н.Ладомирский за открытие нескольких новых отделов партии получил даже специальную грамоту от ее Совета [3, с. 298]. Всего во фракцию правых IV Государственной думы вошло 4 депутата от Северо-Западного края, во фракцию русских националистов и умеренно-правых – 23, в группу центра – 2, во фракцию октябристов – 1, в белорусско-литовско-польскую группу – 5, прогрессистом оказался 1 депутат [22, с. 50]. Таким образом, ок. 4/5 (80%) депутатов от Белоруссии примыкало к правым и консерваторам.

Несмотря на значительное представительство от северо-западных губерний в нижней палате российского парламента, никто из депутатов так и не поставил решительно белорусского вопроса в Государственной думе. Только один крестьянин С.Д.Вербило из фракции русских националистов и умеренно-правых называл себя белорусом [22, с. 56]. Правые и националисты с думской кафедры требовали от правительства дальнейшего ограничения влияния поляков в крае, укрепления черты еврейской оседлости, сохранения единой и неделимой России при доминировании русского народа и православия на всей территории империи.

Большое влияние на развитие политической ситуации в стране оказала первая мировая война. Летом 1914 г. большинство консервативных и либеральных партий поддержало лозунг “внутреннего мира”. Они объявили, что на время войны отказываются от политической борьбы между собой и все свои силы направляют на достижение победы над внешним врагом. Депутат Государственной думы, председатель Рогачевской уездной земской управы октябрист В.С.Дрибинцев заявлял: “Теперь не должно быть и несомненно не будет розни ни племенной, ни сословной, ни партийной... Мы своей работой должны связать себя невидимыми нитями с нашей дорогой армией и доказать ей нашу готовность идти на всякие жертвы в заботе о борцах за Родину, об их семьях, об облегчении страданий раненых...” [23, с. 68].

Члены “Союза 17 октября” и ВНС приняли участие в организации и деятельности Всероссийского земского союза, Всероссийского союза городов, военно-промышленных комитетов и других общественных организаций. Минское губернское земское собрание создало губернский комитет помощи раненым. В последующие годы в Минске были организованы склады продовольствия для Западного фронта, которые по своей вместимости уступали только московским [23, с. 70]. Некоторые депутаты парламента от Северо-Западного края принимали непосредственное участие в боевых действиях на фронте. Так, депутат от Могилевской губернии Б.А. Энгельгардт в 1916 г. за доблесть получил Георгиевское оружие [24, с. 3].

“Патриотическое единение”, однако, длилось недолго. Весной 1915 г. оно было сорвано германо-австрийским наступлением и оккупацией многих областей Российской империи, в т.ч. Западной Белоруссии. Либеральная пресса и общественные организации развернули энергичную борьбу за “министерство общественного доверия”. Под влиянием поражений русской армии пересмотрела свои позиции часть депутатов-националистов. Существенно изменилось, в частности, их отношение к еврейскому вопросу. Полагая, что самодержавие вынуждено в годы войны выдерживать бои на два фронта, с внешним и внутренним врагами, т.е. кроме немцев еще и с либералами, националисты стали искать способ нейтрализовать последних для того, чтобы укрепить положение монарха. В.В.Шульгин начал склоняться к компромиссу с кадетами по еврейской проблеме, считая, что смягчение позиций правительства и консервативных партий по отношению к евреям поможет заручиться поддержкой всей оппозиционной печати, которая находилась, по его мнению,

именно в еврейских руках. "Русский Император, на которого напали немецкие Императоры и, отбирая одну губернию за другой, зажигали в России внутренний костер, имел выход: повернуть в свою пользу одну из мировых сил. Он мог бы спасти этой ценой себя и исторический строй России. Эта сила была еврейство", – писал уже после революции лидер националистов [11, с. 59]. Шульгин был не против идеи "кабинета общественного доверия", полагая, что критика царских министров справедлива. Но в то же время и либералов он признавал не способными справиться с бременем правительственной власти. Однако, писал он, выбирая между ними и царскими чиновниками, следует отдать предпочтение первым, т.к. это обеспечило бы поддержку новому правительству со стороны мощной пропагандистской машины либералов, их буржуазных общественных организаций [11, с. 59].

Думская фракция националистов раскололась по вопросу о союзе с октябристами, прогрессистами и кадетами. Из ее состава выделилась группа прогрессивных националистов во главе с В.В.Шульгиным. Она вошла в созданный в августе 1915 г., оппозиционный правительству И.Л.Горемыкина Прогрессивный блок и официально присоединилась к требованию замены царского правительства кабинетом из общественных деятелей. В оппозиционное парламентское объединение вошли и депутаты от Белоруссии. Прогрессивный блок внес значительный вклад в изоляцию царского правительства и самодержавия накануне Февральской революции.

Февральско-мартовские события 1917 г кардинально изменили политическую ситуацию в стране. Монархия была свергнута. Установилось двоевластие Временного правительства и Советов. Хотя отдельные консерваторы, входившие в Прогрессивный блок и сыграли заметную роль во время революционного восстания в Петрограде (например, Б.А.Энгельгардт, который был членом Временного комитета Государственной думы и командующим петроградским революционным гарнизоном), однако монархические партии и организации в новой обстановке уже не имели никаких перспектив. Их политическая деятельность в 1917 г. уходит в прошлое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Правые и конституционные монархисты в России в 1907 – 1908 гг. // Вопросы истории. – 1997. – №7.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф.869, оп.1, д.1286.
3. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. – М., 1996.
4. *Цьвікевіч А.* "Западно-руссизм": Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. / Пасляслоўе А. Ліса. 2-е выд. – Мн., 1993.
5. Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. – М., 1995.
6. Собрание минских националистов // Минское Русское Слово. – №12. – 1.07.1912.
7. Сопещанне членав Русскага клуба // Минское Русское Слово. – № 7. – 24.06.1912.
8. По поводу деятельности Русского Общественного Собрания // Минское Русское Слово. – № 70. – 13.09.1912.
9. Возможно ли существование русского общественного собрания при переизбрании настоящего состава совета старейшин? // Минское Русское Слово. – № 96. – 14.10.1912.
10. *Сташкевич Н.С., Романовский И.Ф.* Помещичье-монархические партии и организации в Белоруссии // Палітычныя партыі Беларусі. – Мн., 1994.
11. *Шульгин В.В.* "Что нам в них не нравится...": Об антисемитизме в России. – СПб., 1992.
12. *Катон* Белорусский "национализм" // Минское Русское Слово. – №166. – 13.01.1913.
13. В Западно-Русском обществе // Минское Русское Слово. – № 196. – 20.02.1913.
14. Правые и конституционные монархисты в России в 1907 – 1908 гг. // Вопросы истории. – 1997. – № 6.

15. Местная хроника // Минское Слово. – № 72. – 4.02.1907.
16. Местная жизнь // Минское Русское Слово. – №135. – 2.12.1912.
17. Общее собрание членов Минских Братств // Минское Русское Слово. – № 143. – 13.12.1912.
18. Собрание членов православных братств и монархических партий // Минское Русское Слово. – № 68. – 10.09.1912.
19. Предвыборное совещание // Минское Русское Слово. – № 43. – 9.08.1912.
20. Местная жизнь // Минское Русское Слово. – № 67. – 9.09.1912.
21. Местная жизнь // Минское Русское Слово. – № 69. – 12.09.1912.
22. **Забаўскі М.М., Пуцік У.С.** Прадстаўніцтва ад Беларусі ў Дзяржаўнай думе Расіі (1906 – 1917 гг.). – Мн., 1998.
23. **Слобожанін В.П.** Земское самоуправление в Белоруссии (1905 – 1917 гг.). – Мн., 1994.
24. РГИА, ф.1278, оп.9, д.917.

S U M M A R Y

The article deals with the activities of the political parties of Russian conservative monarchists and national organizations of that kind between on the territory of Belarus in the period of two revolutions (1907 – 1917). There's a brief analysis of the parties' programmes, the peculiarities of the social composition of their Belarusian organizations. The authors of the article are particularly interested in the participation of the monarchists of the North Western region in the elections to III and IV State Dumas, the confrontation of the Progressive Block of parties and the tsarist government during the first world war.